

ПРОБЛЕМА АМБИВАЛЕНТНОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л.В.Колесникова

(кандидат филологических наук, доцент,
Измаильский государственный гуманитарный университет)

У статті розглянуто розгалужену систему термінів у теорії процесів переходності. Доводиться доцільність інтегративного концепту "амбівалентність".

A broad system of terms in the theory of process of transitivity is analyzed in the article. The expediency of integrating the concept of "ambivalency" is proved.

Для обозначения сложных явлений взаимодействия морфологических единиц (классов слов), изучение которых привело к формированию целого направления в русистике – теории процессов переходности, выработана редко встречающаяся столь разветвленная система терминов. Назовем лишь некоторые: *переход/переходность части речи/формы слова* (Шахматов, Виноградов, Бабайцева, Баудер), *переходные явления и синкретизм* (Ельмслев, Бабайцева, Чеснокова), *контаминация* (Щерба), *трансформация в области частей речи* (Мигирин), *транспозиция на уровне частей речи* (Ким), *морфолого-синтаксический способ образования, грамматическая омонимия* (Виноградов), *номинативная/грамматическая деривация* (Никитевич, Калечиц).

Вопрос о метаязыке указанных явлений не утратил своей актуальности, так как разные термины, отражая различный фокус внимания исследователей на ту или иную сторону лингвистического феномена, как бы профилируют их концепции.

В наиболее принятом в русистике метафорическом термине *переход* с всевозможными его модификациями типа *межкатегориальный, частеречный, межлексемный, внутрилексемный* нашло отражение общепринятое понимание языковой системы как уровневого устройства с четкой дифференциацией каждого яруса и единиц и их отношений внутри него.

Кроме того, здесь представлен характерный для славянского лингвистического менталитета взгляд на морфологию как на динамическую модель, в которой осуществляется постоянное взаимодействие единиц в виде их движения – перехода.

В виноградовской *грамматической омонимии* (частей речи и грамматических форм) акцент делается на результат взаимодействия классов слов и словоформ.

Мигиринская *трансформация* показывает не только влияние в свое время на его концепцию идей одной из ветвей американского структурализма – трансформационной грамматики Н.Хомского, но и демонстрирует диахронический подход нашего учителя к грамматическим сущностям, который сейчас объявляется «новым» положением когнитивной лингвистики, характерным в целом для постструктуралистского периода в языкознании. Для В.Н.Мигирина существенно выявление условий трансформации, ее направленности, влияния изменений одних признаков частей речи на преобразование других – словом, сосредоточенность внимания на путях формирования частей речи.

Анализируя лексико-семантическую специфику взаимодействующих соотносительных классов слов, А.Я.Баудер делит их на принадлежащие как диахронным, так и синхронным процессам, а также утверждает, в отличие от других исследователей, однонаправленность процесса переходности. Ему принадлежит заслуга дифференциации позиций, в которых не происходит преобразований структурных и семантических свойств слов и их функций.

Зона синкретизма В.В.Бабайцевой, предложенная в начале 80-х годов, на наш взгляд, отразила уже тогда существовавший в русской лингвистике подход к устройству грамматического значения как к градуальному континууму и вскрыла механизм преобразования единиц с учетом их семантики, формы и грамматических признаков. (Ср. со

шкалой релевантності Дж.Байбі в її когнітивно-психологічеської концепції, теорією *грамматикалізації* Х.Лемана і Т.Гівона) [1].

Найменування *транспозиція форми, граматичеська деривація, морфолого-синтаксичеський спосіб утворення слів* переводять цей процес із сфери дії морфології в словотворення і лексику і розглядають його як спосіб розширення лексичеського складу частин мови і джерело збагачення словникового корпусу мови.

Короткий огляд метаязикової сторони теорії процесів перехідності дає представлення о багатобічності охоплення явищ і понять, використаних для позначення операцій з одиницями мови в тексті (мови, дискурсі), але залишених розрізненими, діючими по різних напрямках, хоча і представляючих собою во багатому одну сутність — звукобуквенне тотожство окремих форм, іноді семантичеськи близько пов'язаних, а часто повністю різних, — але являючихся одиницями різних рівнів мовної системи.

Проаналізовані терміни в межах вказаної теорії підтверджують незмінне уваження русистики до змістової сторони лінгвістичеських одиниць, в якій-то мірі пояснюване сьогоди ізоляціоністським етапом в розвитку вітчизняної мовознавства. Сучасний же акцент на семантику форм в європейській і американській лінгвістичеській визнається новим вектором в мовних дослідженнях, приведшим до зміни наукових парадигм на рубежі ХХ і ХХІ століть.

Всім визнається, що весь минулий століття в лінгвістичеській пройшов під впливом сосюрівських ідей визнання мови як знакової системи. Ще в «Курсі загальної лінгвістики» Ф. де Сосюра було відмічено, що поки данна істина не буде викладатися на першій же сторінці загальних праць по лінгвістичеській, ця наука не буде мати міцної основи.

Вради з тим ні в одному із існуючих термінів по теорії процесів перехідності не відображено знакове розуміння явища, яке пронизує всю знакову мовну систему. Так, загальновідомо, що фонологічеська омонімія проявляється в позиціях нейтралізації, лексичеська омонімія/полісемія аналізується як парадигматичеські властивості одиниць данної підсистеми, морфологічеська омонімія затрагує всі одиниці: морфеми, клітики, словотвори, граматичеські класи частин мови і лексико-грамматичеських ступенів.

Таким об'єднуючим, інтегруючим концептом, в якому відображається знакова природа цього феномена, як нам представляється, могло би стати поняття *амбівалентності* — неоднозначності мовних одиниць. Регулярний і систематичеський характер явищ перехідності і омонімії робить цілком виправданим їх об'єднання в понятійній сфері терміна *ambiguities* — *неоднозначності*. Концептуальна сфера цього терміна вобрала би в себе весь об'єм сутностей: і явища омонімії, і багатозначності мовних одиниць на всіх рівнях, в яких проявляються основопологаючі властивості мовного знаку. В першу чергу його неоднозначність, багатифункціональність, асиметрія форми і змісту, крім того, пожеди, одного — його немотивованності, яка в працях останніх років в нових напрямках лінгвістики оспаривається, в частині в теорії «іконічності» граматичеського значення [1, 303]. В такому випадку терміном *амбівалентність* підкреслюються головні відмінні риси мови, визнаваного природною семиотичеською системою і визначеного як «когнітивний процес, реалізуваний в комунікації» [2, 54]. Крім того, поняття неоднозначності більш прийнятно для сучасного аналогового представлення мовної системи в формі замкнутої ланки, сегменти якої мислено співвідносяться з розділами фонетики, лексики, морфології, синтаксиса і пов'язані між собою «пограничними» ланками, володять подвійною природою і входять по одному признаку в одну ланку, по іншому — в іншу, сусідню, або, точніше, будучи однією ланкою, активізуючі в своїй структурі пожеди властивості різних одиниць.

Таким чином, ці «пограничні» амбівалентні одиниці виділяють в мовній системі ті елементи, які здійснюють зв'язок протилежних одиниць.

Сфера дії пропонуваного терміна може покрити багато конфліктні зони в морфології: і проблему пошуку інваріантності в випадку багатозначності граматичеських форм, і природу синкретичних, «гібридних» слів, і явища диспропорції між формою і

значением, и пути «снятия» грамматической омонимии, и неоправданного выделения в ее рамках новых частей речи и др.

Признавая огромные достижения русистики в понимании и постановке целого комплекса проблем, связанных с неоднозначностью морфологических единиц, в накоплении наблюдений над этими фактами, все-таки приходится отметить, что не все наработанное ранее можно принять безоговорочно.

Так, в свете новых данных когнитивной семантики, психолингвистики, особенно изучения процессов порождения и восприятия речи, а также усвоения языковых знаний многие предложенные до сих пор в лингвистике пути разрешения омонимии ставятся под сомнение.

Традиционный взгляд на алгоритм распознавания частеречной или разрядовой отнесенности единицы и установление ее значения при совпадении формы предполагает апелляцию к грамматическому окружению, если же в этом случае невозможно осуществить грамматического отождествления, прибегают к унификации по образцу более дифференцированных классов, помимо прочего, может привлекаться и дальнейшая сегментация уже внутри формы, т.е. вступают в действие законы комбинаторики единиц. Ср., например: *Выступление интересно – Рассказывать интересно – Слушать интересно; Глубокая пропасть – Пропасть дел; Зло сказано – Зло наказано* и под.

В.Н.Ярцева в этом случае открывает действие законов давления системы, ряда, позиции [3, 52]. В частности, давление позиции выражается, по ее мнению, в том, что в языках с определенным порядком слов место, занимаемое словоформой, функционально маркировано, и это может сказаться на его лексической модификации. Таким образом устанавливается связь лексического значения с его синтаксическими потенциями и вместе с тем зависимость лексического значения от его синтаксического использования.

Однако в истории лингвистики уже звучали предостережения о неодинаковом характере явлений, подводимых под общий термин «омонимия», выступали против навязывания грамматике различий, не находящих формального выражения, утверждали, что «разрешение синкретизма происходит в «идеальной» цепи» элементов (в языковой системе) в целом [4, 90], считали, что чем совершеннее становятся средства распознавания, «тем более убеждаемся, что связь между отдельными явлениями языка гораздо теснее, чем кажется» [5, 45].

Естественно, что на многие вопросы, касающиеся понимания языка, усвоения значений слов, точных ответов пока нет ни у кого.

Продолжаются споры и о том, что первично в отношении распознавания грамматической природы слова: синтаксис или семантика. Представителями соответственно двух школ устанавливается разная приоритетность в этом процессе.

Пока не будет решен вопрос о том, как происходит опознавание слова и лексический доступ к словарной статье в ментальном лексиконе, который имеет, кроме других, и морфологическую организацию, что признается сторонниками как логогенного, так и сателлитного устройства ментального лексикона [1, 236-238], утверждать традиционный способ распознавания омонимии – значит неадекватно представлять ментальные процессы, реализуемые в языке.

К основным задачам теории *амбивалентности*, решенным с разной степенью полноты, можно было бы отнести в настоящее время дальнейшее выявление классов амбивалентных лексем; установление потенций, приводящих к амбивалентности (например, идея трактовки семантики имен существительных как носителей воплощенных признаков [6, 241], из которой следует, что сами слова с признаковыми значениями могут регулярно представлять имя); изучение временно амбивалентных структур с определением в них места, где происходит разрешение неоднозначности в пользу одного из возможных значений; выявление диахронной или синхронной природы амбивалентности и т.д.

Предложенное понимание амбивалентности морфологических единиц позволит взглянуть на многие проблемы, пронизывающие всю систему русского языка под новым углом зрения и объяснить многие вопросы, до сих пор до конца не решенные в рамках традиционной русской лингвистики.

Трудно сомневаться в целесообразности введения и актуализации этого концепта в морфологии, так как с его помощью допустимо:

- 1) установление принадлежности анализируемого явления к сущностной стороне языка как знаковой системы;
- 2) признание наличия в этой системе пограничных звеньев, цементирующих ее благодаря своей двойственной природе;
- 3) определение интегрирующей роли термина *амбивалентность* по отношению к разнородным явлениям, стоящим за ним;
- 4) подтверждение прототипической организации языковых концептов в лингвистическом континууме по принципу «центр – периферия»;
- 5) закрепление за амбивалентными явлениями в морфологии положения зависимой и аморфной периферии.

1. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления /Под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной. – М., 2002.
2. Кубрякова Е.С. Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков //Научные доклады филологического факультета МГУ. – М., 1998. – Вып. 3.
3. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка //Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка //Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1.
5. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958.
6. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. – М., 2000.